

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ НАДЕЖДЫ* (СТАТЬЯ ПЕРВАЯ)

© 1999 г. К. Муздыбаев

Канд. психол. наук, вед. науч. сотр., ИС РАН, Санкт-Петербург

Осуществлен феноменологический анализ явления надежды. Описываются ее основные характеристики: временная открытость, терпение, активность при ожидании, неприятие капитуляции, вера в реальность и воля. Выделены виды и объекты надежды. Анализируются мотивационные, креативные, регулятивные и адаптивные ее функции. Рассмотрены определения безнадежности и отчаяния. Проведен сравнительный анализ терминов “надежда” и “оптимизм”. Показано значение позитивного взгляда на жизнь.

Ключевые слова: надежда, безнадежность, ожидание, возможность, желание, цель, вера, воля, время, терпение, отчаяние, оптимизм и пессимизм.

– Предположим, Пух, что дерево вдруг упадет, когда мы будем как раз под ним, – сказал Пятачок.
– Давай лучше предположим, что не упадет, – ответил Пух после некоторого размышления.

Александр Милн. Винни-Пух.

1. ВВЕДЕНИЕ

Кризисы, как личностные, так и социальные, всегда бросают вызов человеческой надежде, человеческому умению выстоять. Хронические же кризисы не только истощают материальные и финансовые ресурсы в обществе, но они неизбежно ослабляют чувство возможного у людей, тем самым снижая их готовность к преодолению жизненных трудностей. А это означает, что они таят именно те элементы настоящего, которые должны были обеспечить выход из затруднительного положения. Чем дольше и жестче подвергается испытанию вера людей в позитивные перемены, тем труднее мобилизовать их личностные ресурсы, и, следовательно, тем труднее трансформировать социальные и экономические институты в стране.

Это конечно вовсе не означает, что роль надежды важна лишь в периоды катаклизмов. Надежда – одна из важнейших и извечных жизненных ценностей, выражающая чаяния и устремления человека, показывающая его готовность к развитию и росту. Она свидетельствует о человеческом потенциале расширения границ возможного, преодоления пределов своей нынешней ситуации, сотворения своего будущего уже сегодня.

Понятие “надежды” определяется разными способами. Ряд исследователей трактует надежду

как чувство возможного, другие – как ожидание успеха, позитивного результата. Для некоторых она предстает в качестве мотивационного состояния или когнитивного процесса. Исследователи, заинтересованные в изучении устойчивых черт или склонностей личности, считают, что надежда является личностной диспозицией, аттитюдом. Поведенчески ориентированные авторы сосредотачивают свои усилия на тех ее аспектах, которые выражают готовность индивида действовать. Для экзистенциалистского направления надежда представляет собой, прежде всего, элемент жизненной структуры или состояние бытия. Подобная суженная трактовка понятия вполне объяснима и даже оправдана. Ведь каждый автор, изучает какой-то конкретный аспект надежды и вынужден решать ограниченный круг исследовательских задач. Однако узкая интерпретация явления, способствуя решению отдельной научной проблемы, зачастую вовсе не затрагивает иные его аспекты. Разные подходы сосуществуют несколько не соприкасаясь и не обогащая взаимно результатами поисков. Не удивительно, что некоторые авторы не могут прочувствовать и оценить важность тех проблем, которыми они сами не занимались. Так, например, специалисты, пытающиеся математически строго определить надежду, интерпретируют ее как ожидание, вероятность наступления которого колеблется от “0” до “1”. Исследователей же, пытающихся понять состояние экзистенции, проникнуть в глубину переживания личности, такие расчеты совсем не за-

*Работа выполнена при поддержке РГНФ (№ 97-06-08071).

нимают. Они определяют надежду с помощью категорий большей жизненности, большей состоятельности личности, отказа от капитуляции даже в невыносимой ситуации, как неприятие отчаяния и т.п. Вот почему какое-то обобщающее определение надежды отсутствует.

В этой статье мы попытаемся насколько возможно полно описать основные характеристики и структуру явления надежды, ее функции и детерминанты, виды и объекты и др. В следующей статье будут представлены уже эмпирические данные о надежде разных групп россиян, различных ее коррелятах.

2. ПОНЯТИЕ НАДЕЖДЫ

Душе я сказал – смирись! И жди без надежды,
Ибо ждала ты не то; жди без любви,
Ибо любила б не то; есть еще вера –
Но вера, любовь и надежда – все в ожиданье.
Жди без раздумий, ибо ты не готова к раздумьям –
Тьма станет светом, незыблемость ритмом.

Томас Элиот. *Четыре квартета*

Примем в качестве исходного понятия надежды общелитературное ее определение. Согласно “Словарю современного русского литературного языка”, надежда – это “ожидание чего-нибудь благоприятного, в сочетании с уверенностью в его осуществлении” [13, с. 142]. В данном определении выделены три важнейших признака надежды: (1) то, что она является *состоянием ожидания*; (2) объект надежды всегда – *некое благо* или что-то *позитивное*; (3) в самой надежде заложена *уверенность достижения* или *получения* данного блага.

Как раз термин “ожидание” оказался центральным в когнитивистски ориентированных теориях надежды Стотланда и Снайдера. У Стотланда проблема надежды особенно формализована и мыслится как позитивное ожидание того, что вероятность осуществления цели выше нуля [42, с. 7–15]. Именно уровень воспринимаемой вероятности достижения цели определяет эмоциональное состояние личности и ее поведенческие усилия. Для Снайдера надежда также является целенаправленным ожиданием, но состоящим из двух компонентов: “силы воли” и “способности находить пути” достижения цели. Первый компонент отражает успешную детерминацию человеком реализации цели. “Сила воли”, по Снайдеру, – это ощущения умственной энергии, и своего потенциала, чувство решимости и включенности, веры, что надеющийся человек склонен всегда утверждать: “я могу”, “я готов это сделать”, “у меня есть все, что необходимо для этого”. Второй компонент характеризует способность человека генерировать эффективные планы и способы достижения целей [41, с. 5–21].

Так или иначе, если “А надеется на Q”, то это значит, что “А ожидает вероятность наступления $Q > 0 < 1$ ”.

Следует ли из этого, что в ситуации, когда $Q = 0$, не должно быть никаких ожиданий и надежд? В пьесе Беккета “В ожидании Годо” два оборванца, Диди и Гого, день за днем тщетно ждут в глухой степи у одинокого дерева господина Годо. Годо не появляется. Ждать бессмысленно. Однако они ждут, утешая друг друга [1]. И в этом ожидании, как верно заметил Мей, присутствуют (не поддающиеся расчету) забота и надежда. “Ожидать – значит заботиться, а заботиться – значит надеяться” [7, с. 330].

Рационально-когнитивные определения, показанные выше, действительно содержат важнейшие характеристики надежды. Однако тут все-таки нет жизненной полноты, нет в них и драматизма чувств, симптомов сомнений, неуверенности, переживаний о возможном, достижимом, не говоря уже об испытании судьбы или “прыжке в будущее”. Такую ограниченность трактовки можно преодолеть, если обратимся к гуманистическим и экзистенциальным теориям надежды.

Надежда, по мнению Линча, есть внутренний ресурс человека. Она всегда в центре его бытия и делает возможным его стремления. Надежда всегда шаг к будущему, цели, к выходу из трудной ситуации. Мы движемся к будущему в той мере, в какой мы имеем надежду. “Надежда есть в самом общем смысле чувство возможного”, – пишет он [30, с. 32]. Если отсутствует чувство возможного, то мы не действуем, потому что ничто нам не сообщает энергию. Нет энергии, потому что нет желания, нет желания, потому что нет чувства возможного. Отсутствие же чувства возможного есть безнадежность, поражающая волю и когнитивную структуру. “Чувство возможного” в теории Линча – не единственный признак надежды. Другие ее признаки: во-первых, отсутствие объекта надежды (то, на что надеюсь, еще не имею), во-вторых, достижение его вероятно трудно. В-третьих, надежда обращена на будущее, и в-четвертых, ее всегда сопровождает вера.

Трактуя понятие “надежды” как процесс эмоционального переживания, Фарран, Герц и Попович обращают внимание на более острые и драматические ситуации, вовлекающие потенциальное бессилие и потенциальную безнадежность, вызываемые неспособностью индивида изменить обстоятельства своей жизни. Надежда принимает подобные человеческие испытания в качестве интегральной части бытия, в то же время открывая возможность креативному процессу. Вот почему для надеющегося человека границы возможного всегда шире, нежели это казалось до такого испытания [24, с. 6–7].

“Надеяться – это состояние бытия. Это внутренняя готовность, напряженная, но еще не рас-

траченная внутренняя активность, — отмечал Фромм, акцентируя потенциальный и явный поведенческий, преобразующий аспект надежды [17, с. 228]. В последнем представители экзистенциального направления едины. Все дело в том, что для данного течения надежда выполняет функцию не просто морали веры, морали решимости, но и морали действия. «Надежда лишь в действиях, — заявляет жестко Сартр, — и единственное, что позволяет человеку жить, — это действие [12, с. 335]. Больше того, надежда, с точки зрения Сартра, Камю, Марселя, утверждая бытие, придавая ему смысл, отрицает абсурдность жизни, отвергает неплототворность и пораженчество [12, с. 331; 3, с. 42; 6, с. 64; 5, с. 88–89, 154].

Как видно, в явлении надежды соединены чувства и когнитивные установки. Диспозиция личности и реальное ее поведение. Таким образом, надежда представляет собой чувство возможно-го, возникающее при ожидании человеком достижения какого-то важного и труднодоступного блага, и является необходимым условием для активного действия. Вместе с тем надежда может проявляться и как психологическое состояние человека и общности и даже нации.

Кроме того, надежда, наряду с верой и любовью, является ценностью из библейских времен [35]. (Недаром Библию называют книгой о надежде, хотя отношение к человеческой морали в ней весьма скептическое). Коль скоро она — теологическая добродетель, то обладание ею представляется обязанностью верующего человека («я должен надеяться»). В отличие от Фомы Аквинского, отстаивавшего христианскую обязанность надеяться, Кант впервые обосновывал христианское право надеяться, что, конечно, было поворотным моментом в интерпретации данного явления [4, с. 661; 23, с. 39–41].

Вера, надежда и любовь неотделимо взаимосвязаны и образуют три моральных принципа. Следовательно, надежда тоже выступает в качестве морального принципа, непосредственно воздействующего на волевую сферу. В самом деле, для Блоха, автора четырехтомного труда о надежде, она была одним из первичных принципов человеческого существования. Для него человеческое бытие являлось лишь бытием, способным к надежде, следовательно, бытием, способным проектировать будущее и превосходить пределы нынешней ситуации [21].

Надежда не всегда и не всеми воспринималась позитивно. Существует мнение, что древние греки относились к ней враждебно [31, с. 483]. Этот не совсем верный вывод, к сожалению, устоялся в литературе. Грекам будто бы казалось, что надежда сбивает человека с пути, потому что в ней заключены лишь иллюзия и обман. Иначе и быть не могло, поскольку в те времена была сильна вера в неотвратимость судьбы, а значит нельзя было строить иллюзий. Однако в тот же период зарождается и идея индивидуальной ответственности, возникают возможности для управления обстоятельствами своей жизни. Вот по какой причине встречаем мы одновременно и неприязненное и положительное отношение к

надежде у Пиндара и Софокла, у Демокрита и Платона и др. «Лишь бесстыдная надежда живет в наших телах. Когда шагаем мы к подвигам. Когда замышляем несчетные деяния...», — читаем в «Немеейских песнях» [XI: 46] у Пиндара, а в «Истийских песнях» встретим строки: «Преисполним же доброю надеждой сердца...» [VIII: 16]. В «Тимее» Платону кажется надежда «легко внемлет оболещениям» [69:69d], а в «Законах» он назидает: «Хорошие люди всегда должны надеяться, что бог уменьшит трудности, выпадающие на долю каждого, изменит к лучшему теперешнее положение...» [732d].

У стоиков свои аргументы. Они видели в надежде угрозу свободе, ибо, по Эпиктету, к примеру, «свобода обретается не исполнением того, чего жаждают, но подавлением жажды» [2, с. 232]. Даже миф о Пандоре трактуется двояко. Говорят, что когда все несчастья и разочарования, ненависть и пороки расплылись по свету, надежда осталась в ларце в качестве единственного средства, дающего человеку силы продолжать жить и улыбаться. Согласно другому толкованию, надежда тоже является злом, так как «все другие» виды зла улетели [38, с. 780].

В новые времена негативный взгляд на надежду был у Шелли, Шопенгауэра и Ницше. «Одна надежда слишком похожа на отчаяние», — пишет Шелли в стихотворении «К». В драме «Ченчи» сравнение уже совсем не в пользу надежды: «Хуже, чем отчаяние, хуже чем горечь смерти, — надежда» [38, с. 645, 333]. По утверждению Ницше: «Она в действительности есть худшее из зол, ибо удлинняет мучение людей» [8, с. 281]. Приписывают скептическое мнение о надежде Кафке, Сартру и Камю [40, с. 524], что не совсем справедливо при внимательном чтении. О позиции Сартра и Камю выше уже говорилось и далее она будет видна в тексте. Камю даже написал этюд «Надежда и абсурд в творчестве Франца Кафки», опровергая расхожее мнение, что Кафка не оставляет человеку никакого выхода из жизненной ситуации. Анализируя романы «Процесс» и «Замок», Камю пишет: «О надежде здесь говорится без всякой иронии. Наоборот, чем трагичнее изображаемый Кафкой удел человека, тем более непреклонной и вызывающей становится надежда» [3, с. 98].

3. ХАРАКТЕРИСТИКИ НАДЕЖДЫ

От скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда.

Послание к Римлянам [5:3–4].

Анализ проблем надежды развивался не только в русле когнитивных, эмоциональных и поведенческих ее аспектов, а также в соотношении с другими этическими и философскими категориями, которые зачастую оказывались составной частью самого явления надежды и стали ее признаками. В этом разделе рассмотрим ряд таких характеристик надежды, как: временную ее открытость, свойственное ей терпение, активность при ожидании, неприятие капитуляции, веру в реальность и волю, также присутствующую в структуре надежды.

Утешается ли человек надеждой, лелеет ли он ее, живет ли он только надеждой, он открыт будущим возможностям. Он доверяет процессу созревания временной последовательности, понимая: реальность складывается таким образом, что рост, развитие и достижение целей возможно. Ведь ростки, элементы будущего всегда содержатся в настоящем. Вот почему надежда способна переориентировать существующее положение

дел, чтобы превзойти пределы нынешней ситуации и создать будущее уже сегодня. Недаром в надежде видят готовность личности к тому, что еще не родилось [17, с. 226]. А человек же, утративший или лишенный надежды, чувствует, что его время израсходовано, не движется, а если и идет, то бесплодно. И настоящее не несет никаких элементов будущего. Закрытость времени не позволяет проектировать будущее. "Человек без надежды, — утверждал Камю, — осознав себя таковым, более не принадлежит будущему" [3, с. 40].

Адаптивная способность человека во временной протяженности выражается в его терпении. Ибо нетерпеливая личность пытается принудить время, взорвать его или поменять временной порядок насильственно, а надеющаяся же личность не пытается изменить протяженность времени. Между тем как раз наличие терпения, этой формы моральной энергии, в структуре надежды способствует креативным процессам. Однако если терпение, равно как и надежда, не вовлечены в созидательный процесс, то они могут быть приведены в упадок [33, С. 57]. По меткому замечанию Марселя: "Надежда скрыта в желании так же, как терпение в пассивности" [5, с. 80].

Надежда помогает подготовить будущее, поэтому она не может быть пассивным ожиданием. Говорить об инертной, вялой, неактивной надежде означало бы вносить противоречие в само определение надежды [5, с. 93]. Будучи динамической составляющей человеческой жизненной структуры, надежда представляет собой внутреннюю активность. Именно надежда зажигает дух человека, сообщает ему энергию, подстегивая даже обстоятельства. Она является активным ожиданием будущего, которое открывается перед человеком. Нередко люди оставляют то, что уже достигнуто, чтобы добиваться чего-то нового, не смотря на то, что это может быть переходом из ситуации определенности в ситуацию неопределенности.

"Надежда, — по определению Марселя, — состоит в утверждении, что есть в бытии" [5, с. 89]. Поэтому надежда противостоит небытию. Надеющийся человек не принимает безысходность, фатальность ситуации. Отказ от капитуляции является, по мнению того же Марселя, активным и позитивным, словно этот отказ гарантирует определенное пространство возможного.

Смелый переход в неопределенность и решительное неприятие капитуляции перед даже безвыходными ситуациями базируются на вере человека, на убежденности его, что выход есть, возможности в реальности существуют. Но что такое вера и как она связана с надеждой?

"Мы верим не в то, что есть и было, но только в то, что является гарантией, — пишет Унамуно, — осуществления того, что будет" [15, с. 186]. Вера у него практически гарант того, на что человек

надеется. Вера и надежда у Унамуно почти сливаются и почти тождественны: "И если вера это осуществление надежды, то надежда, в свою очередь, является формой веры", — утверждает он [15, с. 193]. В том, что вера сопровождает надежду или в том, что вера присутствует в содержании надежды, солидарны почти все исследователи надежды [6, с. 65; 17, с. 229–230; 22, с. 19–22; 23, с. 23–25; 24, с. 7; 30, с. 33]. Но личностный характер данной проблемы вносит и существенные оттенки в понимании надежды.

Можно, безусловно, согласиться с тем, что надежда есть вера в себя и других, на кого мы можем положиться, в чьей надежности уверены. Очевидно можно согласиться и с тем, что вера есть уверенность в реальности человеческих возможностей. В целом рациональная сторона единства веры и надежды не вызывает каких-либо споров. Особые акценты появляются, когда затронуты субъективные моменты проблемы, т.е. когда на место объективных элементов познания ставятся личностная приверженность, личностная преданность. "...Вера, — говорит Унамуно, — относится к личности" [15, с. 186]. Эта вера, с его точки зрения, оказывается, не ограничивается обычным доверием, а вызывает подчинение чужой воле: «... Слово "вера" несет в себе исходный подразумеваемый смысл доверия, подчинения чужой воле, личности. Мы доверяем только личностям» [15, с. 184].

В самом деле, надежда очень часто основывается на межличностной привязанности и доверии, объясняемой дружбой, солидарностью, групповыми интересами, родством, а не на объективном знании и критериях. Люди рассчитывают чаще всего на тех, с кем близки, кто им симпатичен, кому доверяют, а надо бы рассчитывать, положим, на себя или на тех, кто в реальности способен исправить положение дел. Поэтому личностные моменты веры усиливают аффективный, иррациональный характер надежды.

Тот, кто надеется, верит в грядущее. И эта вера, и эта надежда всегда направлены на преодоление какой-то ситуации, какого-то положения. Устремленность веры и надежды в будущее, нацеленность их на преодоление status quo были бы невозможны, если бы и вера, и надежда не были сродни с волей. В них непременно присутствует воля, тоже обращенная в будущее. Именно благодаря наличию воли в своей структуре надежда обретает энергию и динамику, чувство контроля и уверенность. Но и сама надежда способна укреплять волю, сообщать ей твердость и стабильность, терпение и самоконтроль. "Надежда поддерживает волю к жизни, придает смысл и чувство действия... Она помогает преодолеть неудачи, не замечать смешного и мелочного, действовать тогда, когда рациональный расчет требует отступить", — утверждает Щепаньский, анализируя функции и дисфункции надежды [19, с. 34].

4. ОБЪЕКТЫ НАДЕЖДЫ

Бог даст день, даст и пищу.

Русская народная пословица

Остановимся теперь на объектах надежды. На что же люди надеются? Сначала рассмотрим правила надежды, сформулированные эмпирическим путем Авериллом и его коллегами. Они пытались идентифицировать правила, которые бы помогли сформулировать представление современных американцев о надежде и установили четыре правила: реалистичность, приемлемость с точки зрения моральных и социальных норм, важность и управляемость цели [20, с. 9–16].

Таким образом, объекты надежды должны быть, во-первых, реалистичными, т.е. люди не должны надеяться на то, что представляется слишком невероятным; во-вторых, следует надеяться на важные, значимые вещи; в-третьих, люди не должны надеяться на объекты, неприемлемые с точки зрения моральных и социальных норм; в-четвертых, необходимо, чтобы люди предпринимали адекватные действия при достижении объекта желаний.

Все что мы делаем в жизни, мы совершаем с учетом чувства возможного и с учетом перечисленных правил, хотя, видимо, какие-то объекты мы преследуем осознанно, а какие-то неосознанно. Выделим поэтому в первую очередь конкретные и универсальные объекты надежды. К конкретным объектам можно отнести реализацию частных, предметно определенных, повседневных ожиданий человека: надеяться, например, на встречу с другом (подругой), или жить с надеждой выиграть спортивное соревнование. К числу универсальных объектов относятся всеобщие ожидания или устремления, к примеру, высшим и универсальным объектом надежды может стать стремление к счастью, или желание стабилизации экономики страны.

Надежда на стабилизацию экономики представляет собой класс наиболее трудных, наиболее сложных и долгосрочных объектов, тогда как ожидание встречи с другом является простым, краткосрочным и нетрудным. Сложный объект надежды может распасться на более простые, долгосрочный – на промежуточные и конечный, трудный – на множество более легких. Таким образом, объекты надежды могут выстраиваться по времени реализации, они могут соподчиняться, обеспечивая достижение друг друга, могут и соперничать, конфликтовать друг с другом.

Чаще всего люди надеются на себя. Но надеясь на свое окружение, коллег, культуру, страну, на социальные институты, мы также воспринимаем их в качестве объектов надежды. Нормальная работа социальных институтов, возрождение культуры, восстановление экономики страны могут служить в качестве конечных целей, но это инст-

рументально важно для реализации частных целей каждого из нас.

5. ВИДЫ НАДЕЖДЫ

Счастье скоро покинет, а добрая надежда – никогда.

Русская народная пословица

Начнем с различия *фундаментальной* и *первичной* надежды, выделенных Годфрейем [27, с. 55–65, 133–154]. *Фундаментальная надежда* не нацелена на обладание конкретным благом. Она представляет собой общий позитивный взгляд личности на жизнь, ее базовую диспозицию. Такая диспозиция личности отвергает суждение “все потеряно”. *Фундаментальная надежда* ставит проблему метафорически, как, например, в утверждении: “Надежда есть путь для выхода из темноты” [25]. Даже если случается разочарование в каких-то ожиданиях, *фундаментальная надежда* сохраняется, потому что желания чаще всего специфичны, а подобный вид надежды – универсален. Однако тут нет никакого вызова обстоятельствам. В отличие от *фундаментальной первичная надежда* связана с достижением конкретной цели, с определенной экзистенцией. Осуществление *первичной надежды* не терпит отлагательств. Она затрагивает наше “Я”, наше сердце. Оттого *первичная надежда* более прочувствована, более глубока в переживаниях и имеет большее значение для личности. Это не поверхностное чувство возможного. Она выстрадана и рассчитана на преодоление препятствий и поэтому воспринимается как вызов жизненным преградам. Брошенный же вызов диктует наличие собранности, организованности, рационального расчета ради достижения поставленных целей.

Первичная надежда, в свою очередь, распадается на самые разные формы: осознанная и неосознанная надежда, пассивная и активная, реальная и иллюзорная, групповая и индивидуальная надежда.

Деление надежд на осознаваемые и неосознаваемые чрезвычайно важно, поскольку и та, и другая оказывают серьезное влияние на реальное поведение человека. Мир осознаваемых надежд – это скорее мир рациональный, осмысленно запланированный, в значительной мере предсказуемый и очевидно более жизнерадостный. В мире же неосознаваемых надежд желания индивида чаще всего подавлены, перспектива удовлетворения их сомнительна, тревога или даже страх сковывает деятельность. Таким формам надежд неоткуда черпать энергию и поэтому они пассивны.

Термин “пассивная надежда” подвергался сомнению из-за противоречивости его смыслу надежды (Марсель). Между тем пассивное упование присутствует сплошь и рядом, характеризуя либо бессилие и неспособность личности, либо ее робость и неуверенность. Слабость личностных и

социальных ресурсов действительно может вынуждать человека надеяться лишь на время и смиренно выжидать перемен. Однако не прав ли Фромм, подозревавший в пассивной надежде фактическое прикрытие покорности [17, с. 224]? Не маскируется ли в этой форме иногда безнадежность? Не должна ли в безысходной ситуации иметь место, хотя бы пассивная, выжидательная надежда, поддерживающая человеческий дух и саму жизнь?

“Пассивная надежда является хлебом и вином бедного”, — пишет Хутшнекер [28, с. 31]. Для людей с пассивной надеждой на будущее мечта о богатстве, о чуде и доброй фее, по его мнению, функциональна. Это у них единственный способ терпеть жестокую реальность. Большинство бедных и вправду ведь не знают (или не верят), как выбраться из такого социального положения.

В то же время в качестве жизненной философии такая форма надежды и в самом деле может прикрывать ленность человека, его нежелание брать на себя ответственность или его способ освободить себя от обязанностей перед близкими, т.е. игнорировать их ожидания. Разве ожидания других не менее важны, нежели наши? Известно же, что зачастую как раз ожидания других придают смысл нашим действиям, нашей жизни. Именно ожидание других помогает нам перебороть лень, преодолеть преграды. Порой только ожидание других не позволяет нам остановиться. Очевидно по этой причине Франкл заявляет: “Реально значимым является не то, что мы ожидаем от жизни, но скорее то, чего жизнь ожидает от нас” [16, с. 226].

Люди же с активной надеждой — это зачастую люди с мощными социальными и личностными ресурсами, что позволяет им преодолевать различные препятствия, брать на себя ответственность, трансформировать обстоятельства.

Первичная надежда бывает иногда реальной, иногда иллюзорной, отмечали мы выше. Реальная надежда подразумевает ожидание объективно возможного и соответствие ресурсов и усилий человека этому возможному. Нельзя надеяться на то, что совершенно нереально. Но нельзя напрасно ожидать осуществления и реальных надежд, если не предпринимаешь соответствующих шагов для их достижения.

Истоки иллюзорной надежды находятся в искаженном восприятии действительности. Этот вид основан исключительно на обмане чувств, на предубежденности людей и на сознательной или бессознательной подмене критериев оценки.

Как реальная, так и иллюзорная надежда могут охватить и отдельного человека, и группу людей и даже нацию. В зависимости от того, кто является субъектом надежды выделяют индивидуальные и групповые ее формы, народную или социальную, возможна и коллективная надежда.

В такой систематизации надежды есть резон. Не только индивид жив надеждой, но и социальные страты и народы живы ею. Если люди (и народы) теряют надежду или же у них ее разрушают, то они утрачивают и потенциал жизнестойкости. Если же у людей и народов есть вера и надежда на будущее, то у них есть и созидательный ресурс, обеспечивающий обновление и развитие.

Отметим, наконец, и существование эзотерических форм надежды. Для подобных видов ожиданий область возможного простирается в таинственный, в сверхъестественный или магический миры. Для религиозной надежды, например, основанием для веры и обновления является Бог, для мессианской — фигура какого-либо мессии, спасителя, способного избавить от земных невзгод, для апокалипсической надежды — расчет на преодоление разочарования и отчаяния через катастрофу и последующее глобальное обновление. Сюда же следует отнести и утопическую надежду — фантазии относительно построения идеального общественного устройства [22, с. 67–74; 23, с. 23–27; 27, с. 47–48; 43, с. 202–205].

6. ФУНКЦИИ НАДЕЖДЫ

Ибо мы спасены в надежде.

Послание к Римлянам [8:24–25].

Надежда считается основой человеческой жизни [25, с. 1]. В самом деле, без такой основы нет жизни. Без надежды жизнь становится вялой, тусклой, бессмысленной и бесцельной, теряет свою способность к обновлению, росту и развитию. Рассмотрим основные функции надежды: адаптивную, мотивационную, регулятивную и креативную.

Первейшая функция надежды связана с регулированием основных элементов жизненной структуры. Надежда организует ценности общества, переориентирует повседневные желания и намерения людей. Она направляет и временные параметры жизненных процессов — элементы будущего становятся частью настоящего [22, 23, 43]. “Она всегда связана с восстановлением определенного жизненного порядка”, — замечает Марсель в своем дневнике [6, с. 65].

Кроме того, надежда возвращает человеку чувство контроля над обстоятельствами собственной жизни, укрепляет его волю, вселяет в него также стойкость, способность терпеть, придает его действиям смысл [19, 24, 35].

Остановимся теперь на мотивационных возможностях надежды. Прежде всего, надежда дает людям возможность увидеть совершенно новую перспективу в их жизни. Эта “перспектива” может быть связана с возможностью добиться более высоких результатов или с обозначением новых эталонов для роста, или с обладанием чего-то заветного, или со способами преодоления жесто-

ких стрессовых обстоятельств. Так или иначе, подобная перспектива сообщает человеку новую энергию, воодушевляет его, побуждая мобилизовать все ресурсы, чтобы добиться желанной цели.

В трудных жизненных ситуациях надежда помогает переносить даже тягчайшие испытания судьбы. Именно она делает жизнь сносной в таких обстоятельствах. Именно упование на позитивные перспективы зачастую оказывается единственным утешением в экстремальные моменты жизни. "...Люди могут переносить тяжелейшие испытания, пока существует надежда", — пишет Хорни [18, с. 174].

Надежда влияет на восприятие человеком критических ситуаций как вызова, а не как угрозы. Благодаря именно такому восприятию трудностей начинается креативный процесс. Ведь смысл надежды как раз и состоит в преодолении нынешнего положения как в индивидуальном, так и в социальном плане [17, с. 231]. Секрет здесь состоит в том, что надежда в таких ситуациях расширяет границы возможного. Рациональный расчет может показать тщетность усилий, но неприятие капитуляции и вера в существование выхода из затруднительного положения вселяет в человека уверенность, помогает ему переориентировать и мобилизовать свои ресурсы.

Позитивная роль надежды в жизни человека и общества кажется в целом ясна. Следует только отметить ее возможные дисфункции. Предостережения по поводу ущербности иллюзорной и мистической надежды, революционной и мессинской надежды не беспочвенны. Именно такие виды надежды приносили как отдельному индивиду, так и целым сообществам огромные бедствия и разрушения. Причины тут самые разные: неадекватность восприятия реальной ситуации, ошибочность ориентации на деструктивные силы, неадекватность средств для решения существующих проблем.

7. ДЕТЕРМИНАНТЫ НАДЕЖДЫ

Надеяться — означает верить в реальность, утверждать, что в ней есть нечто, способное победить несчастье.

Габриель Марсель. Метафизический дневник

Надежда представляет собою переменную, связанную со способностью личности контролировать и управлять обстоятельствами собственной жизни. И эта способность в первую очередь зависит от располагаемых ею ресурсов: личностных, межличностных и социальных. Ресурсы эти действуют в сочетании, то усиливая потенциал друг друга, то ослабляя.

По мнению Снайдера, способность надеяться не является врожденным качеством, а приобретается в процессе становления личности [41, с. 23]. Правда, то, что ребенок родился в социальном окружении, укрепляющем уверенность и надежду

в жизни, может иметь серьезное влияние на формирование временной перспективы. Конкретные же исследования показывают, что уровень надежды и концепция будущего во многом зависят от прежних успехов, поло-возрастных характеристик, социального и материального статуса личности [24, с. 17; 40, с. 23–24; 27, с. 324–325]. В самом деле, возможности личности — это то, что она успела накопить в процессе развития, и то, чем располагает ее социальная среда, общество.

В то же время сама идея надежды проявляется в разных культурах по-разному. В открытых обществах, где культивируется индивидуальная свобода и социальная мобильность, достижения личности могут в корне отличаться от ее стартового положения. В таких культурах надежда проявляется нередко как честолюбие и стремление и чаще переживается в связи с желаниями обладать богатством, властью, высоким социальным и профессиональным статусом. Здесь, правда, и больше шансов разочароваться, а то и потерпеть крах.

В традиционных обществах, где жизнь протекает статично, а возможности человека социально предопределены, надежда мало связана с категориями индивидуальной свободы и достижений личности. Моральную энергию сообщают людям в таком обществе не знаки будущего, а знаки прошлого, необходимость соблюдения традиции. Человеку обещает перспективу как раз уважение им традиций. Здесь надежда возникает преимущественно в тех сферах жизни, где неопределенность велика, к примеру, в связи со стихийными бедствиями, неурожаем или эпидемией [37]. То, что надежда мало связана с концепцией будущего, конечно же, вовсе не означает, что в традиционном обществе царит безнадежность.

8. НАДЕЖДА, БЕЗНАДЕЖНОСТЬ И ОТЧАЯНИЕ

Всякое отчаяние в своей основе является потерей надежды быть самим собой.

Кьеркегор. Болезнь к смерти

Если надежда — это чувство возможного, ожидание чего-то благоприятного и вера в то, что всегда есть выход из положения, то безнадежность есть утверждение безвыходности ситуации, убеждение в невозможности реализации желаний, отказ от каких-либо ожиданий чего-то позитивного в будущем. "В сердцевине безнадежности — чувство тщетности, — пишет Линч [30, с. 48]. Для человека, переживающего безнадежность, ничто, по его мнению, ни с чем не связано. Вот как определяют безнадежность Фарран, Герц и Попович: "Безнадежность составляет важное переживание человеческого условия. Она функционирует как чувство отчаяния и упадок духа; это процесс мышления, в котором ничего не ожидают; это и поведенческий процесс, в кото-

ром человек мало пытается или предпринимает неподходящее действие" [24, с. 23].

Чувство безнадежности чаще всего приходит в результате повторяющихся неудач, что приводит человека в состояние уныния и ломает его волю. Он теряет веру в себя, падает духом, становится вялым, безразличным, безрадостным. Неудачные попытки решить проблему отождествляются с "Я" личности. Ухудшается способность анализировать, планировать события, осознавать альтернативные методы решения проблем. Проявляется склонность отступать, сдаваться. Человек как будто бы переживает "паралич" и теряет способность действовать. Все это приводит к отчаянию, трагическому, по сути, состоянию.

Прежде чем перейти к проблеме отчаяния, заметим, что безнадежность иногда отрицается, подавляется, а то и маскируется под надежду. Такая маскировка дисфункциональна для самой личности на частном уровне, она дисфункциональна и для сообщества, если речь идет о представителе власти или организационных структур.

Отчаяние – это констатация абсолютной несостоятельности [5, с. 88]. Как утверждает Марсель, состояние отчаяния означает постановку себя в непоправимое положение, когда человек внутренне разрушается. После признания индивидом того, что он оказался в крайнем состоянии, выход из него действительно затрудняется, а иногда и становится просто невозможным психологически. "Осознавший абсурд человек отныне привязан к нему навсегда", – заметил Камю в "Мифе о Сизифе" [3, с. 40]. Осознавший отчаяние тоже кажется отныне привязан к нему навсегда. Это можно увидеть в ходе анализа основных его характеристик [33, с. 45–48].

Отчаяние начинается с *капитуляции*, с отказа от поиска выхода из создавшейся ситуации. Дальше происходит *отречение от своего "Я"*, тем самым "освобождение" себя от трудностей для того, чтобы погибнуть. Вот эту стадию или эту "погибель" называют фундаментальным отчаянием, поскольку устанавливается непоправимость положения, позволяющая дальнейшее саморазрушение. (Логическое продолжение подобного отчаяния – самоубийство.) Еще одна особенность отчаяния – это его *сковывающий* человеческую активность *эффект*. Возникает ощущение, что человек прямо-таки в "тисках" непоправимой ситуации, откуда нет выхода. Естественно, "*временная закрытость*" может выступать следующим характерным признаком отчаяния. Отчаявшийся человек считает, что время его уже исчерпано. Оно не двигается вперед или двигается тщетно, тогда как безнадежная ситуация становится нескончаемой. Прошлая жизнь отчаявшегося человека представляется сплошной *аккумуляцией разочарований* и только они проецируются на будущее. Состояние отчаяния является

состоянием одиночества, изолированности, закрытости для других людей. Разрывается вся коммуникация с окружающими. По логике отчаяния иначе и невозможно, поскольку коммуникация требует обоюдной открытости, предлагая взамен углубление отношений, возможность развития, созидания. Наконец, последней важнейшей характеристикой отчаяния является суждение о бессмысленности жизни, отрицание ее ценности.

Узник Освенцима Франкл вспоминает, что люди, которые быстро деградировали, не принимали свою жизнь серьезно, пренебрегали ею как чем-то несущественным. "И горе тому, кто не видел больше ни цели, ни смысла своего существования, а значит, терял всякую точку опоры. Вскоре он погибал", – пишет он [16, с. 221–225]. Действительно многочисленные исследования, проведенные в мирное время, показали, что среди тех, кто пытался покончить жизнь самоубийством, значительно выше процент страдающих от безнадежности своей жизни по сравнению с контрольной группой [29, 36, 45].

9. НАДЕЖДА И ОПТИМИЗМ

Надежда – это склонность души убеждать себя в том, что желание сбудется.

Рене Декарт. Страсти души

Надежда и оптимизм интуитивно кажутся тесно взаимосвязанными, а иногда и чуть ли не синонимами. Однако это впечатление обманчиво. Имеются между ними существенные различия. В "Словаре современного русского литературного языка" оптимизму дано следующее определение: "Бодрое и жизнерадостное мироощущение, при котором человек верит в светлое будущее, в успех (противопол.: пессимизм)" [14, с. 971].

Из уже приведенных определений можно заключить, что оптимизм отражает в самом деле общее мироощущение, общий позитивный взгляд на жизнь, тогда как надежда связана с ожиданием наступления какого-то конкретного события или достижения конкретной цели. Этот вывод согласуется с суждениями Менингера и Залеского. Первый заметил, что оптимизм подразумевает некоторую дистанцию от реальности [31, с. 484], а второй подчеркивает, что надежда больше связана с важностью события и личностной ценностью, хотя меньше основана на доказательстве [46, с. 180].

Отметим еще ряд отличий этих двух понятий. Как утверждают Аверил, Герц и Попович, надежда говорит нам о человеческой ценности, а оптимизм – об оценке личностью ситуации. По их мнению, человек может сказать: "Я очень пессимистичен, но, тем не менее, я надеюсь" [20, с. 6].

Большую предметность понятия надежды и большую ее нагруженность значениями подмечает

ли и другие исследователи. Так, Фитцджеральд считает, что оптимизм является субъективным состоянием, а надежда выражает аттитюд к миру и дарует смысл и значение относительно человеческой жизни, греховности, временности и страдания [26].

Надежда есть процесс переживания относительно достижения конкретного объекта и верна этому процессу достижения. Она является поэтому во многом инструментальным понятием. Оптимизм же остается лишь общей положительной диспозицией, что все будет хорошо, и представляется ряду авторов негибким в своей фокусированности на позитивном восприятии и закрытым для болезненных чувств, тогда как надеющийся человек остается открытым для боли и ее конечным возможностям [24, с. 13].

Любопытно, что порой оптимизм определяют через надежду. Дей пишет: "Оптимист – это тот, кто надеется, что произойдет лучшее из возможного, а пессимист – тот, кто боится, что все произойдет наихудшим образом из возможного. Оптимизм и пессимизм – крайние формы надежды и страха" [23, с. 68]. Так это в реальности или нет, трудно сказать, но и оптимист и пессимист должны действовать, исходя из приведенной установки: оптимист, надеясь, что все будет наилучшим образом, а пессимист, опасаясь, что все будет наихудшим образом [23, с. 70]. Однако, вероятно, это не совсем так. Дело в том, что существуют явления защитного пессимизма (замечена склонность испытуемых устанавливать более низкие ожидания, чтобы действовать успешнее) [32] и нереалистического оптимизма (люди предпочитают считать себя неуязвимыми и ожидать, что жертвами несчастья будут другие, но не они) [44].

10. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

"Я хочу сказать, что структура мира, в котором мы живем, допускает и, по всей видимости, стимулирует абсолютное отчаяние, – говорил Марсель в январе 1933 г. в одном из научных докладов, – однако именно в подобном мире может родиться неистребимая надежда" [5, с. 90]. В этой работе нам хотелось, прежде всего, показать значение позитивного взгляда на жизнь на примере явления надежды. Хотя тема надежды была основной, мы рассмотрели и явления безнадежности и отчаяния, ибо надежда не всегда может противостоять отчаянию. Она может истощаться, подвергаться тяжелейшему разрушению. Кроме того, понимание безнадежности и отчаяния значительно углубляет осознание тончайших проблем надежды.

Надежде, позитивным ожиданиям в будущем можно научить ребенка, чтобы этот фактор жизни постоянно способствовал его росту. Но успешность формирования надежды, в конце концов, будет определяться и наличием ее потенциала в

его окружении и в обществе в целом. Проблема надежды искажается, осложняется и всячески эксплуатируется разными силами, в том числе деструктивными, в особенности в переходные периоды общества. Поэтому порой действительно бывает трудно отличить надежду от иллюзий, как нелегко бывает отличить в такие периоды правду от лжи. "Мудрые правительства знают, что надежда является источником стремлений, и поэтому много внимания уделяют обещаниям, пробуждающим стремления, так как в надежде и рожденных из нее стремлениях заключен источник могущества государств и народов. Нет общественного развития там, где нет надежды, – пишет Шепаньский. Одновременно в масштабах государства необходимо взвешивать надежду и ее цену, которая может стать страшной, если народ идет за людьми, не отличающими надежду от иллюзий" [19, с. 36].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беккет С. В ожидании Годо // Иностранная литература. 1966. № 10. С. 165–195.
2. Беседы Эпиктета. М.: Ладомир, 1997.
3. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. С. 23–100.
4. Кант И. Критика чистого разума // Соч. в 6-ти томах. М.: Мысль, 1964. Т. 3.
5. Марсель Г. Онтологическое таинство и конкретное приближение к нему // Трагическая мудрость философии. Избранные работы. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1995. С. 72–106.
6. Марсель Г. Метафизический дневник (1928–1933) // Быть и иметь. Новочеркасск: Агентство "Сагуна", 1994. С. 9–131.
7. Мей Р. Любовь и воля. М.: Рефл-бук, 1997.
8. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Сочинение в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 231–490.
9. Пиндар, Вакхилид. Оды. Фрагменты. М.: Наука, 1980.
10. Платон. Законы // Соч. в 3-х тт. М.: Мысль, 1972. Т. 3. Ч. 2. С. 83–478.
11. Платон. Тимей // Соч. в 3-х тт. М.: Мысль, 1971. Т. 3. Ч. 1. С. 455–541.
12. Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.
13. Словарь современного русского литературного языка. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 7.
14. Словарь современного русского литературного языка. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 8.
15. Унамуно М. де. О трагическом чувстве жизни. К.: Символ, 1996.
16. Франкл В. Человек в поисках смысла. Введение в логотерапию // Доктор и душа. СПб.: Ювента, 1997. С. 151–279.
17. Фромм Э. Революция надежды // Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993. С. 217–343.

18. Хорни К. Наши внутренние конфликты // Собр. соч. М.: Смысл, 1997. Т. 3. С. 6–234.
19. Ян Щепаньский о человеке и обществе. М.: ИНИОН АН СССР, 1990.
20. Averill J.R., Cattlin G., Chon K.H. Rules of Hope. N.Y.: Springer-Verlag, 1990.
21. Bloch E. Das Prinzip Hoffnung. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1959. Bd. 1–4.
22. Bourgeois H. L'esperance Maintenant et Toujours. Paris: Desclee, 1985.
23. Day J.P. Hope. A Philosophical Inquiry. Helsinki: Societies Philosophica Fennica, 1991.
24. Farran C.J., Herth K.A., Popovich J.M. Hope and Hopelessness. Critical Clinical Constructs. Thousand Oaks: Sage, 1995.
25. Fitzgerald R. Introduction // The Sources of Hope / Ed. Fitzgerald R. Melbourne: Pergamon press, 1979. P. 1–2.
26. Fitzgerald R. Hope, Meaning and Transcendence of the "Self" // The Sources of Hope / Ed. Fitzgerald R. Melbourne: Pergamon press, 1979. P. 244–254.
27. Godfrey J.J. A Philosophy of Human Hope. Dordrecht: Martinus Nijhoff publishers, 1987.
28. Hutschnecker A. Hope: The Dynamics of Self-fulfillment. N.Y.: G.P. Putnam's Sons, 1981.
29. Kazdin A.E., French N.H., Unis A.S., Esveldt-Dawson K. and Sherick R.B. Hopelessness, Depression, and Suicidal Intent Among Psychiatrically Disturbed Inpatient Children // J. of Cons. a. Clin. Psychol. 1983. V. 51. P. 504–510.
30. Lynch W.F. Image of Hope: Imagination as Healer of the Hopeless. Notre Dame: University of Notre Dame press, 1974.
31. Menninger K. Hope // The Amer. J. of Psychiatry. 1959. V. 116. P. 481–491.
32. Norem J.K., Cantor N. Defensive Pessimism: Harnessing Anxiety as Motivation // J. of Pers. and Soc. Psychol. 1986. V. 51. P. 1208–1217.
33. Nowotny J. Despair and the Object of Hope // The Sources of Hope / Ed. Fitzgerald R. Melbourne: Pergamon press, 1979. P. 44–66.
34. Nuttin J. La Perspective Temporelle Dans le Comportement Humain // Du Temps Biologique au Temps Psychologique / Eds. Fraisse P. et al. Paris: P.U.F., 1979. P. 307–363.
35. Otley R.L. Hope (Christian) // Encyclopedia of Religion and Ethics. Edinburgh: T.&T. Clark, 1913. V. 6. P. 779–780.
36. Pokorny A., Howard M.D., Kaplan B., Tsai Sh.Y. Hopelessness and Attempted Suicide: A Reconsideration // Amer. J. of Psychiatry. 1975. V. 132. P. 954–956.
37. Rycroft Ch. Steps to an Ecology of Hope // The Sources of Hope / Ed. Fitzgerald R. Melbourne: Pergamon press, 1979. P. 3–23.
38. Shelley P.B. Poetical Works. L.: Oxford University Press, 1970.
39. Shorey P. Hope (Greek and Roman) // Encyclopedia of Religion and Ethics. Edinburgh: T.&T. Clark, 1913. V. 6. P. 780–782.
40. Shumacher B. Esperance // Dictionnaire d'Etique et de Philosophie Morale / Sous dir. de M. Canto-Sperber. Paris: Press Universitaires de Frances, 1996. P. 524–528.
41. Snyder C.R. The Psychology of Hope. N.Y.: The Free press, 1994.
42. Stotland E. The Psychology of Hope. An Integration of Experimental, Clinical, and Social Approaches. San Francisco: Jossey-Bass, 1969.
43. Sutherland S. Hope // The Philosophy in Christianity / Ed. Vesey G. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 193–206.
44. Weinstein N.D. Unrealistic Optimism about Future Life Events // J. of Pers. and Soc. Psychol. 1980. V. 39. P. 806–820.
45. Wetzel R.D. Hopelessness, Depression, and Suicide Intent // Archives of General Psychiatry. 1976. V. 33. P. 1069–1073.
46. Zaleski Z. Personal Future in Hope and Anxiety Perspective // Psychology of Future Orientation / Ed. Zaleski Z. Lublin: Towarzystwo Naukowe Kul, 1994. P. 173–194.

PHENOMENOLOGY OF THE HOPE

(First paper)

K. Muzdybaev

Cand. sci. (psychology), lead. res. ass, IS RAS, St. Petersburg

Phenomenological analysis of the hope is presented. The main characteristics of the hope are described: openness of time perspective, perseverance, active waiting for the event, rejection of capitulation, believe in reality, will. The types and objects of the hope as well as its motivational, creative, regulative and adaptive functions are analyzed. Definitions of hopelessness and despair are considered. The terms "hope" and "optimism" are compared. Significance of positive attitude toward life is shown.

Key words: the hope, hopelessness, waiting, possibility, wish, goal, believe, will, time, perseverance, despair, optimism, pessimism.